

Игорь
Агейчев

*"...рай Данте,
точно ад
Мальера..."*

Игорь Агейчев
«...рай Данте, точно ад
Мольера...» (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480614

«...рай Данте, точно ад Мольера...» : новые стихи и мысли / Игорь

Агейчев: ИПО «У Никитских ворот»; Москва; 2017

ISBN 978-5-00095-316-7

Аннотация

«Земля спешит под нашими ногами, Шар крутится, и жизнь идет быстрее, Но чувствовать, что плохо не нам с вами, И было б, может, чуточку больнее...»

Содержание

[1]	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игорь Агейчев

“... рай Данте, точно ад Мольера...”

*Посвящается тому, что мне кажется иногда
правильным*

© Агейчев И.С., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Чуточку больнее

Земля спешит под нашими ногами,
Шар крутится, и жизнь идет быстрее,
Но чувствовать, что плохо не нам с вами,
И было б, может, чуточку больнее.

Мы в этой спешке видим ожидания,
Кто жизни рад, кто звездам, что сильнее,
Живем от «ути-пути» до прощанья,
Не ад, но все же, чуточку больнее.

Мы глупости меняем на серьезность,
И голосим, кто вправо, кто – левее,
Не доброта, а личная «наклонность»
Кому-то рай, что чуточку больнее.

Сад звезд, нелепых облаков пустыни,
Все это делает весь мир живее,
Пусть так. Но даже миллион в уныньи
Не всем, но все же делает больнее.

Бог подарил нам дивные игрушки:
Жить счастьем, мир не замечать умея,
Но подарил и память, где полушке
Так кто-то рад, что Богу чуть больнее.

Влюблюсь

Влюблюсь, пожалуй, заново!
Что мне себя стесняться?
В любви так много странного...
Хотеть и преклоняться.

Заискивать, выпытывать,
Придумывать, метаться,
На вспышку в ней рассчитывать,
Смотреть и не сдаваться.

Угадывать, замалчивать,
От чисел уклоняться,
Не вычитать, не складывать,
Взрослеть, и не меняться.

Обожествлять. Как заново
Глядеть и улыбаться.
Чуть льстить, но не обманывать,
Слегка совсем бояться.

Мечтать и завораживать,
И удивить пытаться,
По волосам поглаживать,
Уметь соприкасаться.

Шептать, мечтать, заискивать,
Не дать страстям прорваться,
Хотеть притом неистово,
Терпеть, но любоваться.

Влюблюсь, пожалуй, заново!
Чему тут удивляться?
Не вижу в этом странного:
Всю жизнь в тебя влюбляться...

Чья-то молитва

Скупа молитва созиданья,
Ее слова на слух угрюмы,
Творец устал от мирозданья,
От зданья мира очень умных.

Улыбок, к радости наивных,
Тепла и тонких струн души,
Воспоминаний, таких длинных...
В них расставаться не спешил.

Чудесных всяких превращений,
И радостей простых, как боль,
Рациональнейших прощений
И взглядов женщин, что со мной.

Спонтанных, юных озарений,
Не мучавших ничьей души,
Небыстрых, но простых решений
Отдать Вселенной поспешил.

Пойму, не требуя оплаты,
Отдам, себя не обделив,
Другим не пожалев караты,
Себя песчинкой удивив.

Не требую, а созерцаю,
Не заставляю, а люблю,
Не пресмыкаюсь, не прощаю.
Горю, горю! А не терплю.

Все это – есть моя молитва,
Ей ничего я не прошу.
Суть – сердце пусть мое открытым
Побудет. Коль я вновь грешу...

Я помню

Я помню это удивленье...
Когда она случилась вдруг.
Другая... Словно привиденье,
Сломалось словно все вокруг.

Я помню это, как рождение...
Когда, вдруг осознав: люблю,
Не спал, и будто наважденьем
Была ты. И шептал: «Терплю».

Я помню это как забвенье...
Всего того, чем раньше жил.
Я помню, плакал, ждав сомненья,
Не сомневаясь, что любил.

Я помню это как презренье...
К своей привычной суете,
Я вижу миг: тебя прочтенье
В твоей тонуло красоте.

Я помню это как лечение...
От так ненужного себя.
И точно помню, что влеченьем
К тебе я жил, мечты храня.

* * *

Прекрасно это приключенье!
Не помнить у любви начала,
Поверь, ты словно отреченье
От неизбежности финала...

Короткий февраль

Отчаянный февраль не врет,
Неся и стужу мне, и слякоть,
Он тщетно требует заплакать,
Но лишь мороз слезу сожмет.

Не в первый раз февраль мне врет,
Он жжет, ошибок не прощая,
Иголками в лицо бросая
Ее сомненья... «Вдруг уйдет?»

Февраль летит, стремглав считая
Свои короткие часы,
И словно судьбы на весы
Опять кладет, тепла не зная.

Под тусклым светом фонаря,
Гляжу я в узкое оконце,
Куда мой дом не пустит солнце,
Где мы во власти февраля.

Неразумное

О чем со мной поговорить?
Терплю, держусь, тебя хватаюсь,
Стараясь сам себя забыть,
Тебя не вспоминать пытаюсь...

Обманываю, часто жду
Неторопливой от природы,
Зашедшей на мою беду
Не в сердце, – в разум через броды.

Сквозь частокол благодеяний,
Через толпу наивных снов,
Не замечая расстояний,
Родив лишь в разуме любовь,

Пришла. И душу не согрела,
Скрутив сосуды, как скобы,
Ты голове вручила тело,
Не подарив душе судьбы.

Не замечая, проклиная,
Уничтожая этот миг,
Я жил, совсем не понимая,
Откуда образ твой возник.

Но на оливковых дорожках,
В тени гигантских лопухов,
Ты, словно в глянцевых обложках,
Являлась через сотни слов.

И я бежал. Бежал по кругу,
Не замечая, что во мне
Лишь память, что твой стан упругий
Со мной... носилось в голове.

О чем с тобой поговорить?
И в снах, и в мыслях снова таешь,
Не позволяя приоткрыть
Мне сердце, что врагом считаешь...

Баловство любви

Природа балует любовью,
С ней сладок и спокоен сон.
Когда с годами своей кровью
Тебя уж чувствую... Влюблен!

Влюблен в сомненья и улыбки,
В любимый гнев по пустякам,
В час, когда чувства очень зыбки,
В миг, когда пал к твоим ногам.

Влюблен, хотя тебе желаю
С такую страстью не себя,
Все чаще снова понимаю,
Как тяжело жить, меня маня.

Как тяжелы со мною годы,
И судьбы наши – дураки,
Неумолима лишь природа:
Ведь врозь мы сгинем от тоски.

От, что скрывать, скупого мира,
Глухого к жизни «не всерьез»,
В тисках меж денег и кумиров
Пропащего среди глупых грез.

Как же прекрасно жить, ребята!
Когда по-прежнему влюблен,
Когда по-русски, непредвзято
На легкость духа обречен.

Когда смешны потуги кукол,
И нет зашоренной тоски,
Когда серьезным словно глупым
Я становлюсь, раз мы близки.

Влюблен без горе-«валентинок»,
Спасен от мрачности судьбы
Любить надменных и наивных,
Всех тех, чьи только мы рабы.

Тебе одной скажу, родная,
Пусть это будет наш секрет,
По сей я день не понимаю,
Где взял счастливый свой билет.

[1]

X

Пока я жив, я, к счастью, одинок. Боюсь, после смерти мне будет неинтересно с самим собой.

X

Для достижения стабильности в мире очень не хватает всплывшего из океана большого необитаемого куска суши.

X

Любить – это гореть. И никак иначе. Погас – все, можно на перекур.

X

Атеисту сложнее, чем верующему. Ему приходится уважать чужие чувства и презирать свои.

X

Как же глупо отказывать себе в жизненных удовольствиях, заботясь о сохранении лишнего года жизни, когда на крышах так много плохо закрепленных предметов!

X

На какую именно составляющую производительности труда повлияет терпимость к голубым? Затрат на этот процесс куда больше...

X

Мужество – это не только умение признавать свои ошибки. Но и прощать чужие.

X

Отказывать нуждающемуся в просьбе равносильно отказу себе в праве в чем-то сомневаться.

X

Толерантность – это дань совести. Космополитизм – дань рассудку. Жестокость – страху.

X

Творить – это не создавать новое. Это постигать очевидное.

Театральный кружок

Зал. Занавес – страница мира,
Ее, как роль, актер листал,
Он от Шекспира до эфира
Летать за жизнь не перестал.

Он грезит Пушкина струною,
Душа по-прежнему велит
Играть лишь ей, струной иною
Лишь в миг, когда душа болит.

Когда потрепанной портъере
Под шум оваций, гром любви,
Актер под шепот: «Я не верю...»
Поплачет, как всегда, навзрыд.

Когда затасканным Островским
Он вновь себя в другом найдет,
А после, трезвенником жестким,
Высоцким под сто грамм поет.

Когда, невинный взгляд бросая
Со сцены в дальние ряды,
Актер, уж Чехову внимая,
Бросает в зал смешков сады.

Он рад улыбке, как проклятью,
В глазах добро не заменить,
И лишь в своих строках понять он
Готов тоску. И не забыть...

* * *

...Живет он, маски не снимая,
И каждый день в судьбе – премьера,
Своей всей жизнью понимая,
Рай Данте, точно ад Мольера...

Заснеженная душа

Уснула древняя столица,
У храмов крыши серебря,
Уснули здания и лица
В сухих морозах декабря.

В комфорт уж птицы улетели,
Оставив вековой покой,
Взамен бураны и метели,
И липы с веткою нагой.

Усталый дворник тихо плачет,
Невольно вспоминая жизнь,
Невдалеке, совсем иначе
Девчонка со снежком кружит.

Пестрят и шубка, и сапожки,
И смех как пестрая свирель,
Ей словно холодно немножко,
А город знай поддал метель.

Спрямился дворник, выгнув спину,
В душе его вдруг рассвело,
Он словно вспомнил ту картину,
Где детство все его прошло.

Седой и доброю улыбкой
Свое он сердце озарил,
И словно не сама, так шибко
Снежком от девки получил.

Несло его сознание время
В лихие снежные года,
В начало жизни, там, где бремя
Забот всегда твердило: «Да».

Но дворник жизнь свою иначе
Не согласился бы прожить.
Пускай сегодня он поплачет,
Ничем грехи не отмолить.

Он помнит все еще девчонку,
Что много лет тому назад
Смеялась так же, очень звонко,
В нее влюбился наугад.

Он вспомнил, как бывал повесой,
Как от семьи стремглав бежал,
Как пил, как ангелом и бесом
Со дна себя он доставал.

Шепча привычную молитву,
Старик метлу свою обнял,
Снежком девчонка с сердцем битву
Свершила. Ту, что проиграл...

И вот уж двое безмятежных
Среди столицы, к холодам,
Сбивая лед с домов заснежных,
Летят к судьбе своей ветрам.

Колыбельная

Смиренной трусости покой
Не мил, не сладок, непривычен,
Команды не было: «Отбой!»,
И мир мне крайне симпатичен.

Людей навязчивые взоры,
Спонтанной мудрости роса,
Средь женщин будничные ссоры,
Мужчин наветы за глаза.

Ты, мир, бескрайне интересен,
Спокоен, бережлив и чист,
Вселенской мудрости и песен
Ты полон. Хоть и эгоист.

Ты назначаешь и свергаешь,
Пугаешь страны и стада,
Ты с нами словно бы играешь,
Заставив вновь услышать: «Да».

Да, все почти в богов мы верим,
Да, мы боимся пустоты,
Путь до которой мы не смерим,
Но ту, что нам готовишь ты.

Да, ты слывешь гостеприимным,
Для искренних, и для господ,
И да, быть можешь ты противным
Для них же, и наоборот.

Да, ты слегка непредсказуем,
Земля застряла в небесах...
Где, вопреки нашим раздумьям,
Ты судишь на моих глазах.

Ты слишком слаб и скоротечен,
Чтобы кого-то вдруг гневить,
Ты слишком скуп и столь беспечен,
Что можно без тебя прожить.

Презрев завистников и славу,
Устав от праздников и лжи,
Приняв смиренье как забаву,
Отдав любовь, ты лишь скажи.

Как скоротечен, так всевластен,
Как зол, так и в стихах хорош,
Ты, мир, лишь тем уже опасен,
Что слабым не подкинешь грош.

Неприкаянные

Промчалась мимо волчья стая,
Не псы, не гончие, а черти,
Они не станут, предавая,
Служить добру, лишь только смерти.

Волков следы на снеге липком
Сковал мороз, словно играя
Со всеми, кто клянет ошибку,
Кто не боится этой стаи.

А серые, что на рассвете
Неслись на запах свежей крови,
Боятся, что их не приметят,
И трусят, что их только трое.

Бегут они, как ветер в стужу,
Несутся, лютые, во вьюге,
Им жертвенник совсем не нужен,
Им бок оленя дай упругий.

Мчит, знай, на север эта тройня,
Инстинктом, голодом беснуясь,
Им север нужен, там лишь бойня,
Им сытно там лишь обоснуйся.

Волкам готово волчье счастье,
Там кровь кипит на свежей туше,
Но север, он уж в чьей-то власти,
И серый гость ему не нужен.

Ослабив ход, оскал голодный,
К земле приникла волчья тройка,
Навстречу, речкой непригодной,
Охотники, кричат: «Постой-ка!»

Прервался бег безликой стаи,
Их север встретил неуклюже,
Охотник, дробью кость ломая,
Им объяснил: он им не нужен.

Замкнутый круг

Навру себе я, озираясь,
Представив стены и мечты,
В одни стою я, упираясь,
Другие, верно, даришь ты.

Тайник надежд, родник проклятий,
Чертами строгими пленив,
Ты словно ждешь, что умирать я
Вновь стану, лишь тебя простив.

Я побегу от воскрешенья,
От боли муторных зарниц,
И вновь – портрет твой в умиленье
На задней стороне ресниц.

Глаза прикрыв, я успокоюсь,
Сквозь сон почувствовав тебя,
Твой стан, и нежность рук, и голос,
Твой редкий вздох внутри меня...

Но звезды могут оглянуться,
И на заре открыв глаза,
Секундой лишь я прикоснусь
Могу к тебе, пока в слезах.

Мои мечты – моя оплошность,
«Бесценной» верности под стать.
Нельзя, уснув, проститься с прошлым,
Проснувшись – в будущем пропасть.

Оптимист

Я вечно буду виноватым
Судьбой навязчивых идей.
И в самомненьи непредвзятом,
И в мненьи близких мне людей.

Моей виной утешат горе,
Иные – славу обретут,
Грехов во мне отыщут море,
Поскольку сами в них живут.

Моей тоской прикроют лица
Шуты, злодеи, палачи,
А если с ними смех случится,
Они лишь крикнут: «Не молчи!».

Потребуют с меня оплаты
За нежеланье быть собой,
Я улыбнусь – мне ждать расплаты
За дерзость обрести покой.

Осадки

Шел снег. И было грустно мне,
Как жмет в минуты сожаленья,
Как страх приходит лишь во сне,
Как с болью рвется в пробужденьи.

Шел снег. С заоблачных высот,
Скрывая грязь и бездорожье,
Легко ведя на эшафот
Тех кто уж смог. И тех, кто сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.